

Глава 21. Господин Шаншу

Опрос пострадавших в городской больнице не принёс никаких плодов. Обе девушки в один голос твердили, что не заметили вокруг ничего подозрительного, и всё казалось совершенно обычным. Просто внезапно налетел резкий порыв ветра, а в следующую секунду на руках уже красовались глубокие порезы. Придя в себя, они от страха и боли подняли крик, на который сбежались люди и отвезли их в медпункт.

— Странно всё это, — Гун Ци в раздумье поправил очки. — Когда появляется дух и начинает действовать, даже обычный человек должен заметить хоть какие-то изменения в пространстве. Почему же они ничего не почувствовали?

— В этом нет ничего удивительного, — отозвался Цинь Чжэн. — Они ведь простые люди, далекие от нашего мира. Столкнувшись с подобным внезапно, они просто не успели бы ничего разглядеть. К тому же, если верить словам И Цзяна, этот дух перемещается исключительно по теням. Чтобы ранить того, кто сидит за партой на свету или идет по залитому солнцем коридору, призраку приходится атаковать дистанционно, прячась в сумраке. Ветер, который почувствовали девушки, — это лишь средство, с помощью которого дух наносил удары.

— Есть ещё какие-нибудь зацепки?

— Самое ценное — это имя предполагаемого убийцы, — продолжил Цинь Чжэн. — По твоим наводкам я нашёл старый адрес Лю Син, но её семья давно съехала, и соседи понятия не имеют, куда. Зато удалось связаться с Гао Сяоюй. Она подтвердила, что была близкой подругой Лю Син и что та действительно забеременела на четвертом курсе. Её тогдашнего парня звали Ян Цзин, он учился на том же потоке, на смешанном каллиграфическом отделении. После случившегося Сяо Юй сделала аборт, а потом — эта внезапная и жуткая смерть подруги... В общем, она была в ужасном состоянии и в академию так и не вернулась. Дипломную работу отправила научному руководителю по электронной почте, и руководство, учитывая её исключительные обстоятельства, позволило ей защититься заочно. С тех пор она не общалась с тем парнем, удалила его номер и аккаунт. Сяо Юй дала старый домашний адрес Ян Цзина, но, когда мы туда наведались, выяснилось, что дом снесли под перепланировку района. В общем, человека мы не нашли. Придётся просить ребят из клуба любителей маньхуа, чтобы поискали данные на этого Ян Цзина.

И Цзян с сомнением спросил:

— А что мы будем делать, если найдём его? Тогда полиция не отыскала улик, а у нас их и подавно нет. Не скажем же мы копам, что на убийцу нам указало привидение?

Гун Ци с загадочным видом коснулся переносицы, и очки блеснули в свете ламп.

— Раз этот мерзавец так чисто прибрал за собой и до сих пор гуляет на свободе, нам вовсе не обязательно взывать к закону. Просто вытащим это ничтожество на крышу библиотеки и позволим духу Лю Син разобраться с ним лично.

И Цзян почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Вы серьёзно? Это же чистой воды самосуд! Если Лю Син его убьёт, мы станем соучастниками.

— Тогда поставим его перед выбором, — вклинился в разговор Сяо Бай. — Либо ты сам идёшь с повинной, либо добро пожаловать на крышу библиотеки. Третьего не дано.

— Но у нас нет доказательств! — И Цзян в отчаянии посмотрел на Сяо Бая. — Допустим, он согласится пойти в участок, а там заявит, что мы ему угрожали и пытались подставить? Что мы скажем следователю? «Дяденька полицейский, пойдёте на крышу, там вас дожидается дух покойной»?

— Явка с повинной тут вряд ли сработает, — рассудил Гун Ци. — Даже если мы его найдём, без улик он ни в чём не признается. Поднимать шум в полиции — значит подставляться самим. Выход один: привести его на крышу и посмотреть, чего хочет Лю Син. Немного припугнуть его не помешает. Пусть поймёт, что призрак не оставит его в покое, тогда он сам побежит сдаваться, лишь бы спастись. Чтобы усмирить гнев Лю Син, убийца должен понести заслуженное наказание — это лучший путь.

— Но Лю Син едва не прикончила И Цзяна! — напомнил Сяо Бай. — Она нападает даже на посторонних, она явно обезумела от ярости. Думаете, завидев убийцу, она станет церемониться? Да она его на месте прихлопнет!

— Скорее всего, она не убьёт его сразу, — добавил Цинь Чжэн. — А будет медленно терзать, заставляя пережить то же самое, что довелось испытать ей перед смертью.

От этих слов И Цзяну стало совсем не по себе. Гун Ци, заметив его состояние, сменил тему:

— Ладно, найти его — ещё полдела. Может, он, как и та Чжань Цзюань, давно уехал работать в другой город. Сяо Чжэн, озадачь ребят из клуба поисками. И передай учителю Фудзиваре, чтобы на выходных нашёл время поучить И Цзяна обращению со способностями. А что касается этой отметины на шее... Кхм, И Цзян, раз уж ты стал мишенью для духов, Сяо Бай, отведи-ка его к господину Шаншу. Пусть тот нарисует ему оберег.

— А ты чем займёшься? — в один голос спросили Сяо Бай и Цинь Чжэн.

— Я? — Гун Ци снова поправил очки. — Мне учиться надо! Если я не вызубрю ваши спецкурсы, по которым вам предстоит сдавать письменные экзамены, даже не вздумайте приходить ко мне ныть во время сессии!

Вскоре Гун Ци и Цинь Чжэн ушли в 501-ю комнату, а Сяо Бай повёл И Цзяна к 409-й. Переступив порог, И Цзян замер в изумлении. Это место меньше всего походило на

студенческое общежитие. Скорее, оно напоминало подпольный цех по производству чего-то крайне подозрительного.

Прямо посреди гостиной возвышался огромный верстак, заваленный лекалами, мелом и рулонами ткани. Слева стрекотала швейная машинка, справа стоял гладильный стол с массивным утюгом. Чуть поодаль застыл мужской манекен-торс без головы и рук, а рядом — зловещего вида болванка с длинным белым париком. Всё это богатство занимало добрую половину комнаты. Остальное пространство было хаотично забито пакетами и странными инструментами: банками с клеем, какими-то досками и деталями, подозрительно похожими на части рыцарских доспехов. Стены, помимо огромного зеркала в полный рост, были сплошь заклеены рисунками и эскизами.

— Дверь не заперта, значит, они снова в мастерской, — пробормотал Сяо Бай и толкнул дверь в левую комнату.

Там, где должна была быть спальня, стояли два массивных стола. Они были погребены под завалами перьев для рисования, флаконов с тушью, листов скринтона, линеек и чистой бумаги. В углу, на отдельном длинном столе, теснились два компьютера, принтеры и факс. Один парень что-то усердно писал, склонившись над столом, другой — самозабвенно резался в видеоигру.

— О, Сяо Бай? Редкий гость в наших краях.

Тот, что писал, поднял голову и поприветствовал вошедших, после чего мгновенно посмотрел на И Цзяна. Это был высокий худощавый парень в очках в красной пластиковой оправе. Увидев гостя, он заметно оживился.

— Ба, да это же тот самый первокурсник!

— А? — И Цзян опешил. Откуда этот человек его знает? Он точно видел его впервые.

— И правда, — геймер, не отрываясь от экрана, обернулся и мельком посмотрел на И Цзяна. — Тот самый дурачок, что торчал в роще у ворот в день открытия.

Тут И Цзян присмотрелся к лицу игрока и его осенило. Ну конечно! Это же тот тип с фотоаппаратом из леска.

— А-а... Вы тот, с камерой... — И Цзян указал на него, а затем в замешательстве повернулся к парню за столом: — Значит, вы... тот странный... ну, с длинными волосами?

— Ага, это я, — усмехнулся парень. — Я тогда был в парике и при макияже, неудивительно, что не узнал.

Сяо Бай представил их. Оказалось, парня в очках зовут Шан Шу, он учится на Отделении

каллиграфии и мастерски владеет стилем «бешеной скорби». Его напарник — Цзин Хуа с художественного факультета, спец по пейзажам в технике гохуа. А то странное поведение, свидетелем которого стал И Цзян, называлось косплеем — своего рода перформансом.

— Гостиную мы переделали под мастерскую для пошива костюмов и крафта реквизита, а эта комната — наша студия. Спим мы вдвоём в соседней комнате на двухъярусной кровати, так места больше. Иначе где прикажешь размещать сразу две мастерские? — Шан Шу выудил откуда-то из угла два табурета и предложил гостям присесть. Цзин Хуа тем временем вернулся к игре, не выказав ни малейшего желания поддерживать беседу.

— Но всё это... — И Цзян огляделся. Книжные полки вдоль стен ломились от манги, на столах лежали инструменты для её рисования, а кипы черновиков явно были выполнены в стиле маньхуа. — Вы ведь с Отделения каллиграфии, а он — с Отделения гохуа... Почему здесь всё выглядит как студия мангак?

Шан Шу замахал руками:

— Ой, да брось. Кто в наше время живёт за счёт основной специальности? Мы с Сяо Цзином рисуем маньхуа. Говорим тебе только потому, что мы в одной группе, так что — могила! Никому ни слова о нашем секрете.

«Никому не слова», подумал И Цзян. Да у них дверь нараспашку, любой зайдёт и всё увидит.

— Не смотри на них так, — подал голос Сяо Бай. — Хоть они и выглядят как полные фрики, в нашей группе они незаменимы. Кое-какая польза от них всё же есть.

Шан Шу обиженно ткнул в него пальцем:

— Сам ты фрик! У тебя вся семья — фрики!

— Ладно-ладно, не цепляйся к словам, — отмахнулся Сяо Бай. — А то на меня накатают жалобу за дискриминацию определённых слоев населения.

— Ты первый начал!

— В общем, на И Цзяна напал дух. Гун Ци велел привести его к тебе, чтобы ты начертал оберег, — Сяо Бай мастерски сменил тему. — Раз уж мы в одной лодке, сделай скидку. Парень на мели, обрабатывает долги в библиотеке.

— Я просто подрабатываю! — вставил И Цзян. — И никаких долгов у меня нет.

— Раз такое дело... — Шан Шу хитро прищурился. — Пусть Гун Ци добудет ещё парочку

детских фоток Сяо Чжэна. Девчонки из клуба любителей маньхуа их с руками оторвут. На этом можно заработать куда больше, чем на жалких оберегах.

Сяо Бай сохранил каменное лицо:

— Ну, это ты сам с Гун Ци обсуждай. Но учти: если Цинь Чжэн узнает, вам обоим конец. Меня в это не впутывай, я чист.

— Знать и не донести — значит разделить участь, — философски заметил Шан Шу.

Он достал из ящика стола лист желтой бумаги, отрезал от него прямоугольник и вытащил из холодильника, стоявшего в углу, банку с какой-то иссиня-чёрной жижей.

— Что это за дрянь? — И Цзян поморщился.

Едва Шан Шу открыл крышку, комнату наполнил резкий, тошнотворный запах. И Цзян с отвращением посмотрел на содержимое банки. И это они держат в холодильнике? У них там вообще нормальная еда бывает?

— Это особая тушь. Обереги пишутся только ей!

— Но... зачем хранить её в холодильнике?

— Для свежести.

«Для свежести?!» Судя по запаху, эта субстанция протухла ещё в прошлом веке.

И Цзян с ужасом наблюдал, как Шан Шу обмакнул кисть в подозрительную чёрную жижу, размешал её и принялся размашисто писать на желтой полоске бумаги. Всего за несколько секунд листок покрылся замысловатыми, абсолютно нечитаемыми каракулями. Закончив, Шан Шу плотно закрыл банку, убрал её обратно в холод, вымыл кисть и достал фен.

— Тушь густая, сохнет долго, — пояснил он, направляя на бумагу струю холодного воздуха. — Носи его поближе к телу, иначе защиты не будет. Только так дух не сможет до тебя добраться.

«Поближе к телу?!» Бумажку, исписанную этой зловонной жижей... Даже у человека без брезгливости сдали бы нервы.

— И... это обязательно? Прямо к телу?

— Если жизнь не дорога — можешь не носить, — Шан Шу ловко сложил высохшую полоску,

превратив её в маленький треугольник, и вложил в крошечный мешочек на красном шнурке. — Лучше всего повесить на шею. Но если ты камикадзе, можешь и на пояс прицепить.

И Цзян с опаской принял оберег. Слава богу, есть мешочек, хоть он и выглядел таким тонким, что мог порваться от любого прикосновения. Всё лучше, чем клеить эту бумагу прямо на кожу.

— И что, это действительно работает?

И Цзян всегда считал себя человеком рациональным и далеким от суеверий. Раньше он бы с порога заклеил подобные обряды как шарлатанство и мракобесие, но события последних дней заставили его усомниться в прочности собственного мировоззрения.

— Вера творит чудеса, — на удивление спокойно ответил Шан Шу, ничуть не обидевшись на скепсис. — Оберег, по большому счету, лишь дарует покой твоей душе. Слабый верит в его защиту и возлагает на него все надежды. Сильный же считает его чепухой, потому что он сам достаточно крепок, чтобы защитить себя без посторонней помощи. Работает ли он на самом деле? Даже те, кто выходил сухим из воды, не смогут сказать наверняка, спасла ли их собственная бдительность или этот клочок бумаги. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Чем ждать, что амулет спасёт тебя в критический момент, не лучше ли самому устранить угрозу раз и навсегда?

— А... — И Цзян почувствовал укол совести. — В этом есть смысл...

— Да какой там смысл! — Сяо Бай бесцеремонно прервал Шан Шу. — Он наговорил кучу слов, а по сути не сказал ничего. Не ведись на его речи, он ведь бывший писатель, мастер слова. В словесных играх тебе с ним не тягаться!

— Э?

Глядя на Шан Шу, который довольно оскалился, демонстрируя белоснежные зубы, И Цзян почувствовал себя так, будто его только что искусно обвели вокруг пальца.

<http://bllate.org/book/17421/1658668>